

Иоганн Ирмшер

## РУССКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ АНТИЧНОСТИ В БЕРЛИНСКОЙ АКАДЕМИИ

**А**КАДЕМИИ наук СССР и ГДР (последняя учреждена в 1700 г. как Бранденбургское научное общество<sup>1</sup>; первая начала свое существование в 1724 г. как Российская Академия наук в Петербурге<sup>2</sup>) со времени своего возникновения были тесно связаны друг с другом<sup>3</sup>. Стоит вспомнить здесь хотя бы имена Лейбница и Эйлера, связанных с обеими Академиями. Изучение классической древности — временами в специфическом для той и другой страны выражении — с самого начала тоже играло то более то менее интенсивную роль и приводило к научным контактам как личного, так и официального характера. Последние находили свое выражение преимущественно в избрании зарубежных коллег членами-корреспондентами, иностранными или почетными членами, и эти факты, в свою очередь, будучи рассмотрены в их совокупности, дают возможность для различных наблюдений, касающихся научного и научно-политического развития<sup>4</sup>. Юбилей ВДИ, которому посвящены эти строки, представляется мне приятным поводом для того, чтобы представить здесь читателю российских исследователей античности, которых Берлинская академия за два с половиной века приняла в ряды своих членов-корреспондентов и в то же время — насколько позволяют это сделать архивные и иные данные — дать ответ на возникающие при этом вопросы о причинах и о поводах такого избрания. Хотелось бы надеяться на то, что в будущем появится и такого же рода перечень немецких исследователей древности, которые принадлежали в качестве членов-корреспондентов к Российской академии наук.

Наша подборка охватывает девять имен, начиная от петровского времени русской истории и кончая веймарским периодом истории Германии: Г.-З. Байер, Г.-К.-Э. Келер, И. Бларамберг, К. Икономос, А. Наук, Л. Стефани, В. В. Латышев, М. И. Ростовцев, В. Н. Бенешевич.

<sup>1</sup> Adolf Harnack, *Geschichte des Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin*, I, B., 1900, стр. 3.

<sup>2</sup> Г. А. Князев, А. В. Кольцов, Б. Л. Левшин, в кн. «Советская историческая энциклопедия» (далее — СИЭ), I, М., 1961, стр. 293.

<sup>3</sup> Здесь невозможно углубляться в рассмотрение исторических причин этой общности развития; см. об этом Eduard Winter, *Zur Geschichte der deutsch-russischen Wissenschaftsbeziehungen im 18. Jhdt.*, «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 8, 1960, стр. 844 слл.

<sup>4</sup> Подробнее об этом см. Johannes Irmscher, *Griechische Gelehrte in der Berliner Akademie*, в кн.: «Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen», B., 1966, стр. 437<sup>1</sup>/<sub>2</sub>.



1. Готлиб (Теофил) Зигфрид *Байер*, родившийся в 1694 г. в Кенигсберге и получивший образование в тамошнем университете, принадлежал к зарубежным ученым, которых Петр Великий пригласил в только что учрежденную столичную Академию. Назначенный в 1725 г. профессором греческих и римских древностей<sup>5</sup>, он вел обширную научную деятельность, пока в 1738 г. его не постигла ранняя смерть в городе, где он работал.

Широкий — в духе Просвещения — круг интересов Байера позволил ему вести большие работы по изучению восточных языков: он составил словарь китайского языка<sup>6</sup>; русский язык, однако же, он, несмотря на долгое пребывание в России, выучил лишь в недостаточном объеме! Это не могло не нанести ущерба его разысканиям в области древнерусской истории, для которых он мог использовать русские источники лишь в латинском переводе — рядом с доступными ему в оригинале византийскими и скандинавскими. Так стал он отцом долгое время влиятельной норманской теории, против которой уже вскоре после смерти Байера выступили В. Н. Татищев и М. В. Ломоносов, но которую восприняли Август-Людвиг фон Шлецер<sup>7</sup> и др. Все это, понятным образом, бросило тень на память о Байере в России<sup>8</sup>.

Тем не менее он имел общеизвестные заслуги на ниве науки о древности и стал предшественником, если не основоположником классической археологии в России. Статуя, приобретенная в Риме царем Петром в 1718 г., дала Байеру повод для исследования о Книдской Афродите, другие его работы посвящены греческой хронологии (с широким учетом нумизматического материала), Ахейскому союзу, а также греческому владычеству в Средней Азии<sup>9</sup>. В дальнейшем, однако, его работы о происхождении и месте обитания скифов, только благодаря тому, что были переведены на русский язык, казались предвосхищающими позднейшее превращение этой отрасли науки о древности в центр тяжести русского антиковедения.

Берлинская академия избрала Байера почетным членом<sup>10</sup> в 1730 г., в одну из самых мрачных эпох своей истории<sup>11</sup>, а именно в годы правления «солдатского короля» Фридриха-Вильгельма I. Никаких сведений о мотивах избрания найти в архивах не удалось; членство Байера в Петербургской академии, в которой он временами играл видную роль<sup>12</sup>, имело, несомненно, основное значение для его избрания; число иностранных членов Бранденбургского общества было к этому времени относительно велико<sup>13</sup>.

2. Наиболее важная в нашем контексте область, в которой работал Байер, — археологическое исследование юга России, нашла свое полное развитие в начале XIX века. Граф С. С. Уваров, в 1818—1855 гг. прези-

<sup>5</sup> Professor antiquitatum», согласно Ed. Winter, Halle als Ausgangspunkt der deutschen Rußlandskunde im 18. Jhdt., В., 1953, стр. 182. Замечание Карела Свободы («Klio», 37, 1959, стр. 241) о том, что «враждебный гуманизму царь» будто бы не пригласил в Академию ни одного филолога, должно быть, таким образом, пересмотрено.

<sup>6</sup> Об этой стороне деятельности Байера см. Johann W. Fück, в кн. «Neue deutsche Biographie», I, В., 1953, стр. 678 (или Siegfried в кн. «Allgemeine Deutsche Biographie», 2, Lpz., 1875, стр. 187).

<sup>7</sup> К. Kindermann, в кн. «Ost und West...», стр. 332.

<sup>8</sup> Ср. хотя бы резко критическую оценку в БСЭ, 2-е изд., т. 4, М., 1950, стр. 48; более сдержанно в СИЭ, 2, 1962, стр. 46 сл. См. также библиографию в кн. «История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период», 1965, стр. 193.

<sup>9</sup> John Edwin Sandys, A history of Classical Scholarship, 3, Cambr., 1908, стр. 390.

<sup>10</sup> Erik Amburger, Die Mitglieder der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin 1700—1950, В., 1950, стр. 67.

<sup>11</sup> Harnack, ук. соч., стр. 233.

<sup>12</sup> «История Академии наук СССР», I, М., 1958, стр. 463; Winter, ук. соч., стр. 192 слл.

<sup>13</sup> Harnack, ук. соч., стр. 244, прим. 1.



дент Академии и сверх того в 1833—1849 гг. министр народного просвещения (под реакционным лозунгом «самодержавие, православие, народность»), в юности, находясь в Германии, испытал воздействие неогуманизма, а благодаря занимаемому в Академии посту получил возможность резко продвинуть развитие классических штудий в России<sup>14</sup>. И этому подъему опять способствовали наряду с русскими учеными и иностранцы, в числе которых был Генрих-Карл-Эрнст Келер.

Родившийся в 1765 г. в Вехсельбурге в Саксонии, он в юности прибыл в Россию и был уже библиотекарем Эрмитажа и ординарным академиком по греческой и римской литературе и древностям в Петербурге, когда в 1812 г. был избран членом-корреспондентом Берлинской Академии<sup>15</sup> — это произошло в ходе реорганизации этого учреждения братьями Гумбольдтами, которая содействовала заметному повышению научного уровня и престижа Академии<sup>16</sup>. В дальнейшем ходе его деятельности ему было передано также заведование античным кабинетом Эрмитажа и пожалован чин действительного статского советника<sup>17</sup>. Петербургская академия почтила его память и его заслуги, издав под редакцией Лудольфа Стефани (о котором еще пойдет речь впереди) в 1850—1853 гг. собрание сочинений Келера, который умер в 1838 г. в городе, где протекала его деятельность<sup>18</sup>. Об этих работах можно было бы ныне и не вспоминать, но они показывают, какому ходу развития русского антиковедения содействовал Келер<sup>19</sup>. Его внимание приковывала к себе прежде всего история древнего Причерноморья: Понтийское и Боспорское царства, а также город Ольвия. При этом разрабатывался не только материал письменных источников, но и с особым вниманием нумизматический и эпиграфический материал, поскольку систематическая археологическая работа в то время еще только начиналась. Следует также отметить зарождение двух специальных дисциплин, которые ныне в СССР разрабатываются (как показывают сборники «Нумизматика и эпиграфика») с большим вниманием и достигли высокого уровня. Во всяком случае, можно засвидетельствовать, что, избрав Келера, Берлинская академия как бы предчувствовала будущее развитие науки.

Другая область работы Келера была связана с его служебной деятельностью, которая близко познакомила его с богатыми античными коллекциями Эрмитажа и другими русскими собраниями. Поэтому Келер смог заняться геммами, памятниками камнерезного искусства, которым он посвятил значительное число работ, благодаря чему долго считался авторитетом в этой области<sup>20</sup>.

3. Иоганн (Иван Павлович) *Бларамберг* принадлежал к тому же поколению, что Келер, хотя был избран академиком на целых 17 лет позднее. Если в лице Келера мы встречаемся с представителем ведущего научного учреждения, то в лице Бларамберга мы сталкиваемся с пионером практической полевой работы.

В отличие от Байера и Келера Бларамберг не предназначал себя заранее для ученой карьеры. Он родился в 1772 г. во Фландрии<sup>21</sup> как отпрыск

<sup>14</sup> Svoboda, в «Klio», 37, 1959, стр. 243.

<sup>15</sup> Amburger, ук. соч., стр. 109.

<sup>16</sup> Hagnack, ук. соч., стр. 607 сл.

<sup>17</sup> Conrad Bursian, Geschichte der classischen Philologie in Deutschland, Münch., 1883, стр. 1095.

<sup>18</sup> «Bulletin scientifique publié par l'Académie impériale des sciences de Saint-Petersbourg», 3, 1838, стр. 272.

<sup>19</sup> «История Академии наук СССР», 2, М., 1964, стр. 195. Не упомянут в кн.: А. А. Формозов, Очерки по истории русской археологии, М., 1961.

<sup>20</sup> Sandys, ук. соч., стр. 390.

<sup>21</sup> Биография в кн.: «Русский биографический словарь», под ред. А. А. Половцова, т. Бетанкур — Бакстер, СПб., 1908, стр. 89 сл.



старинного знатного рода <sup>22</sup>, в 1786 г. он вступил в голландскую военную службу, вскоре был произведен в офицеры, в 1795 г. перешел на английскую службу, а с 1797 г. жил в Петербурге, затем в Москве, получая жалование от английского правительства. С 1804 г. в Петербурге на русской службе в министерстве юстиции. В 1807 г. получил чин надворного советника. В 1808 г. он перевелся (что имело большое значение для его ученых занятий) в Одессу, где был прокурором коммерческого суда, таможенным инспектором Херсонской губернии, начальником Одесского таможенного округа. В 1824 г. Бларамберг вышел в отставку, но через год был назначен чиновником особых поручений при генерал-губернаторе кн. М. С. Воронцове <sup>23</sup>. Открывшиеся при этом возможности, так же как и освободившийся с уходом с действительной службы досуг он использовал для серьезных археологических изысканий, участвовать в которых он пригласил своего родственника Иоганна (Ивана Федоровича) Бларамберга, уроженца Франкфурта, будущего генерал-лейтенанта русской службы <sup>24</sup>. Эти изыскания нашли отражение в ряде публикаций, выпускавшихся как в России, так и в Париже <sup>25</sup>. Не было более подходящего человека, чем Бларамберг, для того чтобы взять на себя обязанности директора археологических музеев, открывшихся в 1825 г. в Одессе и в 1826 г. в Керчи <sup>26</sup>. Как к директору музеев к нему и обратился инициатор и с 1822 г. руководитель *Corpus inscriptionum Graecarum* Берлинской академии Август Бек <sup>27</sup>, которому Бларамберг с готовностью оказал содействие. Поэтому Бек на заседании философско-исторического отделения от 2 февраля 1830 г. внес предложение избрать Бларамберга, указав на то, что тот предоставил «нужные ему изображения памятников и надписей, найденных частью на турецкой территории во время только что закончившейся войны [имеется в виду русско-турецкая война 1827—1829 гг., когда русские войска доходили до Адрианополя <sup>28</sup>], частью в Южной России» <sup>29</sup>. Избрание состоялось 18 марта того же года и было единогласным <sup>30</sup>. Правда, оказанная ему почесть недолго могла радовать Бларамберга — он умер уже в 1832 г. в Одессе <sup>31</sup>.

4. Попутно должен быть упомянут здесь и Константин *Икономос* (Экономос) <sup>32</sup>, греческий ученый, расцвет научной деятельности которого, однако, тесно связан с Россией и русской наукой о древности.

Родившийся в 1780 г. в Царицане в Фессалии, он, хоть и был женат, быстро сделал духовную карьеру, так что в 1819 г. в Константинополе для него даже была специально учреждена должность *Καθολικός ἐπεροχέρου τῆς Μεγάλης Ἐκκλησίας* <sup>33</sup> καὶ πασῶν τῶν ὁρθοδόξων ἐκκλησιῶν. Перед лицом растущей напряженности в отношениях между турками и греками он почел за лучшее оставить Османскую империю и прибегнуть к царской защите. Он развернул — сперва в Одессе, а потом в Петербурге — полу-

<sup>22</sup> Emil von Sydow, *Erinnerungen aus dem Leben des Kaiserlich Russischen General-Lieutenant Johann von Blaramberg*, I, B., 1872, стр. IX слл.

<sup>23</sup> Краснобаев, в СИЭ, 3, М., 1963, стр. 712.

<sup>24</sup> Viktor Hantzsch, в «Allgemeine Deutsche Biographie», 47, Lpz., 1903, стр. 9.

<sup>25</sup> «Русский биографический словарь», т. Бетанкур — Бакстер, стр. 90; Wilhelm Larfeld, в кн. Iwan von Müller, *Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft*, I<sup>2</sup>, Münch., 1892, стр. 381.

<sup>26</sup> М. С. Спницын, в ЗОАО, 1, 1960, стр. 8.

<sup>27</sup> Larfeld, ук. соч., стр. 387.

<sup>28</sup> K. W. Basilewitsch u. a., *Geschichte der UdSSR*, 2, М., 1949, стр. 186.

<sup>29</sup> Archiv der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin (далее — AA), II В III b 2, л. 43.

<sup>30</sup> Там же, л. 44.

<sup>31</sup> Amburger, ук. соч., стр. 114.

<sup>32</sup> Ср. цит. статью Ирмшера (в кн. «Ost und West...», стр. 442 сл.).

<sup>33</sup> В цит. статье Ирмшера (в кн. «Ost und West...») опечатка: 'Εκκλησίας (стр. 442).



чившую достаточно широкий отклик деятельность проповедника и литератора, которая благодаря избранию Икономоса в члены Российской академии (в 1828 г.) нашла признание и за рубежом. Его литературные занятия не ограничивались, однако, богословием и философией, но были связаны и с филологией. В 1828 г. на средства Петербургской академии был издан его трехтомный труд «*Δοκίμιον περὶ τῆς πλησιεστάτης συγγενείας τῆς σλαβονο-ροσσιτικῆς γλώσσης πρὸς τὴν ἑλληνικὴν*», который представлял собой — для того времени, когда современное сравнительное языкознание только начало пробивать себе дорогу, — значительное достижение и именно так был оценен и за пределами России. Напротив того, его 800-страничное сочинение «*Περὶ τῆς γνησίας προφορᾶς τῆς Ἑλληνικῆς γλώσσης βιβλίον*», изданное в 1830 г.<sup>34</sup> типографией Министерства народного просвещения, получило не столь высокую оценку. Речь в нем шла о следующей проблеме.

До тех пор, пока изучение греческого языка в России было связано только с духовными академиями, было принято следовать в греческом произношении византийской традиции, т. е. пользоваться современным новогреческим произношением. Распространившийся стараниями Уварова по университетам неогуманизм, напротив, принес с собой употребительное в Западной Европе так называемое эразмовское произношение. Такое развитие воздействовало на патристические чувства живших в России в большом числе греков и послужило поводом к появлению упомянутого сочинения Икономоса, где он отходит от того понимания истории языка, которым целиком проникнута его предыдущая работа. В 1832 г. Икономос покинул Россию, чтобы содействовать духовному возрождению своей греческой родины, получившей тем временем свободу. Сначала он, однако, предпринял поездку в Германию, где ему был оказан воодушевляющий прием, и члены Берлинской академии Бек и Иделер внесли предложение об избрании его членом-корреспондентом академии. Он был избран единогласно 13 декабря 1832 г. В предложении об избрании, основывавшемся на обеих филологических работах Икономоса, высказывалась надежда, что, приняв его в состав ученого общества, «Академия сохранит о нем добрую память». Эта надежда, однако, не осуществилась — последующие десятилетия застают Икономоса в церковных и церковно-политических столкновениях его страны на позициях самой крайней реакции, которые заставили его отказаться от связей с ушедшей уже вперед зарубежной наукой. Умер Икономос в 1857 г. в Афинах.

5. Труды следующего ученого, который должен быть назван в нашем списке, Августа (Августа Карловича) *Наука*, и сегодня еще в известной части принадлежат к достоянию международной науки о древности<sup>35</sup>.

Наук родился в 1822 г. в Ауэрштедте в Тюрингии и после окончания курса в Галле преподавал (вместе с Адольфом Кирхгофом, эпиграфистом и исследователем «Одиссеи») в прославленной своими выпускниками-учеными Иоахимстальской гимназии в Берлине. Первая крупная работа Наука, предпринятая им по побуждению Готфрида Бернарди, у которого он учился в Галле<sup>36</sup>, была посвящена александрийскому грамматiku Аристофану Византийскому. В ней обрисован круг вопросов, которыми тот занимался, преимущественный его интерес к трагикам и Гомеру, что в из-

<sup>34</sup> В цит. статье Ирмшера (в кн. «Ost und West...») опечатка: 1930 (стр. 442, прим. 54).

<sup>35</sup> Ulrich von Wilamowitz-Möllendorf, *Geschichte der Philologie*, Nachdruck der 3. Aufl., Lpz., 1959, стр. 66; «История Академии наук СССР», 2, 1964, стр. 196.

<sup>36</sup> Sandys, *ук. соч.*, стр. 149.



вестной мере совпадало с проблематикой, занимавшей самого Наука<sup>37</sup>. Как русский академик Наук прибыл в 1859 г. в Петербург, где он до своей смерти в 1892 г. (в г. Терноки<sup>38</sup>) пользовался большим уважением как профессор филологии и смог подготовить большое число учеников<sup>39</sup>.

Избрание Наука в члены-корреспонденты Берлинской академии состоялось 30 мая 1861 г. (в философско-историческом отделении, при одном голосе против)<sup>40</sup>. Предложение было сформулировано Августом Мейнеке, который когда-то как директор Иоахимстальской гимназии<sup>41</sup> был начальником Наука по службе в Берлине; вторая подпись под предложением принадлежала Кирхгофу, бывшему коллеге Наука по той же гимназии. Немногословная *laudatio* гласила:

«Г-н Наук развил многостороннюю деятельность в области классической литературы. Помимо многочисленных заметок критического содержания в различных журналах, мы упомянем его исследования об Аристофане Византийском, его критическую работу над Еврипидом в двух изданиях, его критические изыскания об этом поэте, опубликованные в „Записках“ Петербургской академии, из них — критическую обработку фрагментов упомянутого трагического поэта, наконец, недавно вышедшее издание трех сочинений Порфирия. Все эти работы блестяще рекомендуют себя многосторонней эрудицией, критическим чутьем и глубоким знанием языка»<sup>42</sup>.

В своей благодарственной речи от 22 августа 1861 г.<sup>43</sup> Наук сказал, что своими результатами «на ниве филологической критики» он обязан «почти исключительно поощряющим побуждениям», «какие я находил и нахожу в сочинениях некоторых выдающихся членов той самой ученой корпорации, которой я сейчас высказываю свою почтительнейшую благодарность за выпавшее на мою долю отличие». «Если эти почитаемые мною, как и всеми, корифеи филологии, — продолжал он, — считают, что мои старания не пропали даром, то я вижу в этом признании ценную награду и именно потому, что оно исходит от людей, чей приговор для меня особенно весом».

6. Наук был в 1859 г. приглашен в Петербург<sup>44</sup> по предложению чело- века, которого он опередил в избрании в члены-корреспонденты Берлин- ской академии, — уже упоминавшегося в другой связи Лудольфа (Лу- дольфа Эдуардовича) Стефани. Родившийся в 1816 г. в Бейхе близ Лейп- цига<sup>45</sup>, Стефани изучал древность в Лейпциге в университете под руковод- ством Готфрида Германа и Вильгельма-Адольфа Беккера, затем совершил путешествие в Грецию<sup>46</sup> и в 1846 г. принял кафедру в Дерпте. В 1850 г. он был приглашен в Петербург как вновь избранный член Академии наук, чтобы стать директором нумизматического кабинета и хранителем музея древностей Эрмитажа<sup>47</sup>. Здесь он развернул плодотворную деятельность как один из ведущих представителей статистического направления в архео- логии. Это направление переносило «центр тяжести на по возможности исчерпывающее перечисление всего фонда античных памятников, на сис- тематизацию их с научной (будь то музеографическая или искусствовед-

<sup>37</sup> Bursian, ук. соч., стр. 170; ср. также W. Pökel, *Philologisches Schrift- steller-Lexicon*, Lpz., 1882, стр. 188.

<sup>38</sup> Amburger, ук. соч., стр. 129.

<sup>39</sup> См. ЭСБ-Е, 40, стр. 692.

<sup>40</sup> AA II: III b 6, л. 338.

<sup>41</sup> Pökel, ук. соч., стр. 171.

<sup>42</sup> AA, там же, л. 342.

<sup>43</sup> AA, там же, л. 343.

<sup>44</sup> Sandys, ук. соч., стр. 150.

<sup>45</sup> Amburger, ук. соч., стр. 135.

<sup>46</sup> Ludolf Stephani, *Reise durch einige Gegenden des nördlichen Griechenlandes*, Lpz., 1843 (с посвящением Морицу Хаупту).

<sup>47</sup> Bursian, ук. соч., стр. 1093.



чески-мифологическая) точки зрения и на объяснение их на основе наиболее широкого сопоставления всей литературной и изобразительной традиции»<sup>48</sup>. Избрание Стефани членом-корреспондентом Прусской академии наук последовало на основании единогласного решения философско-исторического отделения<sup>49</sup> 17 июля 1875 г.<sup>50</sup> *Laudatio*, подписанная, кроме не раз уже упоминавшегося Адольфа Кирхгофа, Эрнстом Курциусом, ведшим тогда раскопки в Олимпии, и Теодором Моммзенем, гласила (на не слишком образцовом немецком языке):

«После того как г-н Стефани написал в Греции свои первые работы о греческих древностях и опубликовал в Германии свою первую крупную работу — монографию, посвященную мифу о Минотавре, он был приглашен в Петербург и там почти 30 лет с неослабевающим рвением давал в своих „*Comptes rendus*“ годовые отчеты о ходе раскопок в Керчи, а сверх того выпустил роскошное издание „*Antiquités du Bosphore cimmérien*“ и описание собрания ваз (1869 г.). Кроме этих сводов и годовых отчетов, которые принадлежат к поучительнейшим описаниям находок в археологической науке, Стефани опубликовал ряд отдельных работ, которые имели существенное значение для науки, как, например, его работа об Аполлоне из собрания Строганова. Из ныне живущих ученых никто не имел счастья ввести в науку о древности столько нового материала, как это выпало на долю Стефани, который всегда делал это с величайшей ученостью и прилежанием, будь то материал из области скульптуры или живописи, будь то эпиграфический или нумизматический материал. Таким образом, Стефани без сомнения принадлежит к заслуженнейшим археологам-искусствоведам и вполне заслуживает той чести, о которой и вносится предложение»<sup>51</sup>.

Действительно, значительная часть описаний в трехтомных «Древностях Босфора Киммерийского» (на русском и французском языке, СПб., 1854) восходят к Стефани<sup>52</sup>, а двухтомный служебный каталог «*Die Vasensammlung der Kaiserlichen Ermitage*» (СПб., 1869) целиком выполнен им. Для суждения об учености их составителя<sup>53</sup> важны не только его сообщения в публикациях Археологической комиссии, но и не в меньшей мере его работы, появлявшиеся в большом числе в «*Mélanges gréco-romains tirés du Bulletin (historico-philologique) de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg*» (1835 слл.), периодическом издании, где хорошо представлен и Август Наук.

Стефани умер в 1887 г. в Павловске<sup>54</sup>, собрание ваз которого он описал, подобно более богатому эрмитажному<sup>55</sup>.

7. Если до сих пор мы говорили об иностранцах, которые на долгие годы связали свою профессиональную деятельность с Россией, и для которых — за исключением Икономоса — Россия стала второй родиной, то три исследователя, о ком нам осталось сказать, были русскими по рождению. Избрание их в Берлинскую академию говорит о возросшей самостоятельности укоренившейся в России науки о классической древности, которая отныне — с конца прошедшего столетия — получила признание и заслуженное уважение со стороны зарубежной науки.

Василий Васильевич *Латышев* стоит перед нашим духовным взором как гигант работоспособности, хорошо знавший любую отрасль антиковедения, но сосредоточивший свою исследовательскую деятельность на истории Южной России в античную эпоху, создатель ученого труда,

<sup>48</sup> Bursian, ук. соч., стр. 1091.

<sup>49</sup> AA II: III b 8, л. 66.

<sup>50</sup> Amburger, ук. соч., стр. 135.

<sup>51</sup> AA, там же, л. 94.

<sup>52</sup> Ср. предисловие Ф. Жилия к первому тому.

<sup>53</sup> Karl Sittl, *Archäologie der Kunst*, Münch., 1895, стр. 162.

<sup>54</sup> Amburger, ук. соч., стр. 135.

<sup>55</sup> «*Die Antiken-Sammlung zu Pawlowsk*», Petersburg, 1872.



сохранившего и сейчас свое значение <sup>56</sup>. Родившийся в 1855 г. в Тверской губернии <sup>57</sup>, он завершил свое образование в Петербурге, где Ф. Ф. Соколов <sup>58</sup> склонил его к занятиям эпиграфикой. Некоторое время (1880—1882) он провел в Афинах, затем последовали годы преподавательской и школьно-организаторской деятельности <sup>59</sup>, сопровождавшейся непрерывной научной работой. К чести Берлинской академии, она признала выдающееся дарование Латышева еще в его молодые годы и избрала его членом-корреспондентом в 1891 г. — еще до того как он стал академиком в Петербурге (1893 г.) <sup>60</sup>. Предложение об избрании сформулировал имевший большие заслуги перед «Corpus Inscriptionum Atticarum» Ульрих Келер <sup>61</sup>; вместе с ним предложение подписали Моммзен, Кирхгоф и Курциус. Приведем из него большую выписку <sup>62</sup>:

«Г-н Василий Латышев принадлежит к тем немногочисленным русским ученым, которые, завершив свое филологическое и историческое образование, обратились к занятию греческими надписями, будучи побуждены к тому Федором Соколовым, мало известным за пределами России, но столь же даровитым, как и эрудированным ученым. Латышев впервые получил известность во время его многолетнего пребывания с исключительно научными целями в Южной России и Греции благодаря ряду публикаций в русских, немецких и французских журналах. После его возвращения Российский археологический институт поручил ему сбор и издание греческих и латинских надписей северного побережья Черного моря. Мы располагаем уже двумя томами этого свода, вышедшими в свет в 1885 и 1890 гг. <sup>63</sup> и содержащими надписи на камне; идет работа над третьим томом, который должен содержать массы находимые на юге России надписи на амфорных ручках, важные прежде всего для истории античной торговли. Произведенная г. Латышевым обработка понтийских надписей, без сомнения, принадлежит к лучшим достижениям последнего времени в области греческой эпиграфики. Г-н Латышев — один из тех немногих издателей греческих надписей, которые, кроме необходимых знаний языка и фактов, обладают и практической подготовкой. Он понимает обязанность издателя надписей точное копирование и воспроизведение текста и формы букв, а также считает очень важным лично исследовать оригиналы обрабатываемых им надписей. Во введениях и комментариях он следует примеру, данному Беком. Латышев сумел заменить относящуюся к Причерноморью часть SIG изданием, отвечающим по своему уровню всем требованиям, которые может и должен ставить сегодняшний день. Академия, на которой лежит забота о дополнении и обновлении основанного Беком свода надписей благодаря появлению „Inscriptiones Ponti Euxini“ освобождена от одной из задач, какую она при сложившемся положении вещей едва ли смогла бы выполнить удовлетворительным образом, из-за рассеяния относящегося сюда материала по публичным и частным собраниям России и необходимости собирать сведения о них на русском языке. Издатель „Inscriptiones Ponti Euxini“ не упускал случая проявить свою предупредительность в отношении немецких коллег и особенно членов Академии, любезно посылая им сообщения, связанные с его кругом работ. Кроме собрания понтийских надписей, г-н Латышев выполнил две крупные работы: книгу об истории и государственном устройстве города Ольвии, вышедшую в свет в 1887 г., и „Исследования о календаре многих греческих племен и городов“, изданные в 1883 г.» <sup>64</sup>.

Едва ли можно удивляться тому, что за такой *laudatio* последовало избрание Латышева <sup>65</sup>; можно добавить, что он был избран в один день с

<sup>56</sup> Ср. предисловие к посвященному памяти Латышева тому сборника «Советская археология» (XXVIII, 1958, стр. 3); ср. также предисловие к КБН (стр. 5 сл.).

<sup>57</sup> A m b u r g e r, ук. соч., стр. 141.

<sup>58</sup> О нем. см. L a r f e l d, стр. 423.

<sup>59</sup> L a r f e l d, ук. соч., стр. 423.

<sup>60</sup> СИЭ, 8, 1965, стр. 485.

<sup>61</sup> L a r f e l d, ук. соч., стр. 408 сл.; 413; Günther K l a f f e n b a c h, Griechische Epigraphik, 2. Aufl., Götting., 1966, стр. 17.

<sup>62</sup> АА II: III b 12, л. 25 сл.

<sup>63</sup> Имеется в виду IOSPE, I, СПб., 1885; II, 1890.

<sup>64</sup> Указания на более поздние оценки научного творчества В. В. Латышева см. в кн. «История исторической науки...», стр. 317 (библиография); А. И. В о р о н к о в, Древняя Греция и древний Рим, М., 1961, стр. 391.

<sup>65</sup> АА, там же, л. 32.



Георгом Кайбелем, Германом Узенером, Куртом Ваксмутом и Ульрихом Вилламовиц-Меллендорфом. Получив это отличие, русский ученый ответил председательствовавшему секретарю благодарственным письмом <sup>66</sup>.

Известно, что третий том IOSPE не появился, но был выпущен четвертый с дополнением за 1885—1900 г. (СПб., 1901); в 1916 г. вышло в свет новое переработанное издание первого тома <sup>67</sup>, включавшее в себя 751 надпись против 245—первого издания <sup>68</sup>. Нельзя не упомянуть и о том, что Латышев дважды воспользовался «Отчетами о заседаниях Берлинской академии» <sup>69</sup>, чтобы опубликовать результаты своих изысканий <sup>70</sup>. Латышев умер в 1921 г. в Петрограде; в последние годы своей жизни он был академиком, директором Историко-филологического института и членом Археологической комиссии <sup>71</sup>.

8. За несколько недель до того как разразилась первая мировая война, 18 июня 1914 г. <sup>72</sup> был избран в члены-корреспонденты Прусской академии наук Михаил Иванович Ростовцев. Предложение об избрании, восходившее к Эдуарду Мейеру, весьма авторитетному и в России специалисту по всеобщей истории древности, гласило <sup>73</sup>:

«Среди ученых России, которые в последние два десятилетия своей энергичной, строго научной работой обеспечили быстрый прогресс науки о древности, ведущее место занимает профессор Петербургского университета Михаил Ростовцев. Получивший образование не только в России, но в такой же (если не большей) мере в немецких университетах, в непрерывном тесном соприкосновении с немецкой наукой (по-скольку он в совершенстве владеет немецким и французским языками и пишет на них), воспитанный в строгой требовательности к себе и руководствующийся строго научным духом непреклонной любви к истине, он поставил свою высокую одаренность и огромную работоспособность на службу задачам исследования возникновения и формирования того материального и культурного развития древности, из которого выросли внутренний строй и культура Римской империи в их многочисленных ответвлениях. В центре его исследований стоит проблема развития детально разработанного объемлющего весь культурный мир территориального государства, которое взрывает и преодолевает старую форму государства, из какой оно выросло. Эта формулировка задачи ясно выступает уже в его первой крупной работе „История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана)“, опубликованной сначала в 1899 г. по-русски, а потом, в 1902 г., переведенной автором на немецкий язык. Для того, чтобы понять формирование одного из важнейших и оказавших глубочайшее воздействие на хозяйственную жизнь институтов государственного организма, рассмотрению государственного откупа в императорскую эпоху предпослан превосходный очерк формирования этого института в Афинах и эллинистических государствах.

Как здесь, так и везде разрешение большой задачи требует отхода в предшествующую эпоху, изучения ее культурного и хозяйственного состояния и покоящейся на нем системы управления. Взяться за такую задачу и вообще хотя бы научно сформулировать ее может только тот, кто в совершенстве владеет материалом эпиграфических и папирологических источников и не в меньшей мере тем богатейшим материалом, который можно извлечь из памятников искусства и художественного ремесла, а также многочисленных прочих памятников повседневной жизни. И это предварительное усло-

<sup>66</sup> AA, там же, л. 43: *Accepi nuper litteras Tuas, vir summe, quibus me certiore feceras Academiam Regiam Borussicam mein epistularum de re litteraria commercium cum classe potissimum philosopho-historica cooptasse, et diploma academicum mihi miserat. Rogo Te igitur, ut meo nomine gratias Academiae agas quam maximas pro honore, qui eo maiore gaudio me affecit, quo minus eum expectare aut sperare audebam, et adfirmes me quoad vivam semper summo opere curaturum, ut honore illo sim aliquatenus dignus et studiis optimis augendis et promovendis pro virili parte inserviam. Vivat, crescat, floreat Academia Borussica, Tu vero, vir summe, vale mihi que fave.*

<sup>67</sup> На титульном листе издание не обозначено.

<sup>68</sup> S v o b o d a, ук. соч., стр. 264.

<sup>69</sup> «Bürgereid der Chersoniten», «Sitzungsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin», 1892, стр. 479 сл.; «Inschriften aus dem Taurischen Chersonesos», там же, 1895, стр. 505 сл.

<sup>70</sup> Полную библиографию см. у Н. А. Винберг (СА, XXVIII, 1958, стр. 36 сл.).

<sup>71</sup> СИЭ, 8, стр. 485 сл.

<sup>72</sup> A m b u r g e r, ук. соч., стр. 154.

<sup>73</sup> AA II: III b 22, л. 164 сл.



вие выполнено Ростовцевым в самой полной мере. Его особое преимущество в том, что в области археологии он чувствует себя, как дома. В то время как до сих пор богатейший материал, которым располагает археология, использовался для целей исторического исследования лишь вполне спорадически, он энергично привлек его для решения этой большой задачи. Сюда принадлежит уже первая выполненная им публикация памятников — обработка римских свинцовых тессер („*Tesserarum urbis Romae et suburbii plumbeorum sylloge*“, 1903, с дополнением, 1905). Сколь ценные выводы для истории культуры и хозяйства можно извлечь из этого невзрачного материала, Ростовцев показал в обработке результатов исследования, которая появилась сначала по-русски, а затем в немецкой переработке („*Römische Bleitesserae*“, Beiheft zur „*Klio*“). Затем он обратился преимущественно к обработке памятников, которые в почти необозримом количестве доставила и продолжает доставлять почва России. Наряду с многочисленными мелкими статьями, по большей части в русских журналах, следует теперь назвать в первую очередь большой, появившийся в 1914 г. труд об античной стеной живописи южнорусских склепов. Своей тщательной и неустанной работой, не пренебрегавшей и самыми невыигрышными разысканиями, Ростовцев весьма существенно расширил здесь наши знания и материал, каким располагает наука. Таким путем мы получаем все более живое представление о том, каким образом искусство и художественное ремесло Ионии работало на варваров, о воззрениях и общественном положении скифских вождей и царей. Особенно ценный результат исследований Ростовцева — доказательство сильного иранского влияния на религиозную типологию и идейный мир юга России и прежде всего — специфически иранского воплощения монархической идеи; отсюда эти мотивы и образы оказали влияние на Дунайскую область и на религиозное развитие императорской эпохи.

Вместе с тем никогда не прекращались и работы Ростовцева в области хозяйственной истории. На их основе сложился большой труд „Исследования по истории римского колоната“, вышедший в 1910 г. тоже на немецком языке. В нем автор предпринял исследование однородных с римским колонатом, но гораздо более древних форм аграрных отношений в Египте в царстве Селевкидов, а также в Сицилии и показал, что римский колонат с его прикреплением крестьян к земле был только завершением долгого, корнями своими ушедшего в культурные государства Востока, развития хозяйственной жизни античного мира, которое отличалось многообразием различных частных форм. В деталях здесь остается еще много неясного, и некоторые положения автора могут быть видоизменены в ходе дальнейшей дискуссии. Общепризнано, что эта книга дает импульс к дальнейшему углубленному исследованию и не только более глубоко ставит уже много обсуждавшуюся проблему, но благодаря напряженной работе мысли и привлечению нового материала существенно приближает ее к разрешению.

Марксистская оценка научных достижений Ростовцева в дореволюционную эпоху окажется, наверное, не столь преувеличенно восторженной, но она тоже покажет, что новой плодотворной постановкой вопроса Ростовцев обогатил науку о древности, и по достоинству оценит заново раскрытый им богатый материал<sup>74</sup>; и то и другое в дальнейшем нашло применение в трудах исследователей. Единогласное избрание Ростовцева в члены-корреспонденты Прусской академии наук было, таким образом, вполне обоснованным<sup>75</sup>. В своих общих взглядах Ростовцев придерживался буржуазного либерализма; тенденция модернизировать античность, прослеживающаяся в зачатке уже в некоторых ранних работах Ростовцева, усилилась и стала вполне очевидной все-таки только в обобщающих трудах, написанных им в эмиграции в США<sup>76</sup>. Выходец из реакционной дворянской среды<sup>77</sup>, он не понял социальной революции на своей родине, и стал чужим русской науке, языком которой он потом больше не пользовался<sup>78</sup>. М. Ростовцев родился 10 ноября 1870 г. в Киеве и умер 20 октября 1952 г. в Нью-Хэйвене (штат Коннектикут)<sup>79</sup>.

<sup>74</sup> См. «История Академии наук СССР», 2, стр. 599; БСЭ, 37, 1955, стр. 250.

<sup>75</sup> АА, там же, л. 166.

<sup>76</sup> Ср. Н. А. М а ш к и н, История древнего Рима, М., 1949, стр. 65 сл.; 635.

<sup>77</sup> Там же, стр. 59.

<sup>78</sup> Как показывает С. Bradford Welles, Bibliography — M. Rostovtzeff, «Historia», 5, 1956, стр. 358 слл.

<sup>79</sup> См. С. Bradford Welles, в «Gnomon», 25, 1953, стр. 142 слл.



9. Владимир Николаевич Бенешевич родился в 1874 г. в Виленской губернии<sup>80</sup> и до революции был профессором канонического права в Петербургском университете, позднее он работал в Академии истории материальной культуры, в 1924 г. он стал членом-корреспондентом Российской академии наук<sup>81</sup>. Одинаково хорошо известный как знаток не только византийского и русского церковного права, но и внутренней истории Византийской империи, как специалист в области греческой палеографии и рукописей и как опытный издатель<sup>82</sup>, он принадлежал к старой школе советских византистов<sup>83</sup> и пользовался большим авторитетом также за рубежом<sup>84</sup>. В Берлинскую академию он был избран 30 мая 1929 г.<sup>85</sup>. Избрание было единогласным. Предложение об избрании составил профессор немецкого права и церковного права Ульрих Штутц<sup>86</sup>; под ним поставили свои подписи также юрист Эрнст Гейман<sup>87</sup>, египтолог Адольф Эрман, историки древности Эд. Мейер и Вилькен, филологи-классики Норден и Вилламовиц, историки церкви Адольф Гарнак (Бенешевич некоторое время слушал его лекции<sup>88</sup>) и Литцман — необычно большое число членов академии. Из этого предложения<sup>89</sup> я процитирую оценку работ Бенешевича:

«Г-н Бенешевич — весьма выдающийся знаток греческого церковного права, своими работами он заложил основы, на которые должно опираться всякое дальнейшее исследование источников по греческому каноническому праву. В своих поездках по многим странам он обследовал библиотеки России, Востока и Запада в поисках канонических рукописей и впервые собрал огромный материал. Неутомимое прилежание сочетается у него с выдающейся остротой ума, что и позволило ему разобраться в запутанной традиции так называемого „Сборника 14 титулов“<sup>90</sup>. Этот сборник особенно ценен тем, что он передает греческий текст соборных правил в основном в первоначальной последовательности и в соединении с обширным собранием канонических писем. Это исследование вышло в свет в 1905 г. Два года спустя г. Бенешевич осуществил издание старославянского перевода этого сборника<sup>91</sup>, напечатав рядом со славянским текстом греческий оригинал и снабдив издание аппаратом, где приведены разночтения важнейших рукописей. Таким образом, наука получила хоть и предварительное, но основательно фундированное справочное издание этого объемистого сборника. В 1914 г. вышло в свет подобное, опять основанное на обширном рукописном материале, исследование истории рукописной традиции второго сборника греческого канонического материала, который был составлен в середине VI в. Иоанном Схоластиком и располагал материал, систематически упорядочивая его по 50 титулам<sup>92</sup>. К этим объемистым публикациям примыкают частные исследования в различных областях науки.

Г-н Бенешевич получил образование в Петербурге, а затем в Гейдельберге, Лейпциге и Берлине. Ставшие для него привычными долготлетние связи с немецкой наукой он деятельно продолжал после войны. В качестве зарубежного члена Страсбургского научного общества он взял на себя издание соборных правил в связи с большим изданием соборных актов, предпринятым Эдуардом Шварцем; когда же после войны от этого замысла пришлось отказаться, он способствовал продвижению издания соборных актов, осуществив коллацию рукописей».

<sup>80</sup> У Амбургера (ук. соч., стр. 161) ошибочно: Витебск.

<sup>81</sup> «Записка об ученых трудах В. Н. Бенешевича», «Известия Российской академии наук», VI, 18, 1924, стр. 536 слл.

<sup>82</sup> СИЭ, 2, 1962, 330 сл.

<sup>83</sup> З. В. Удалцова, в «Виз. Врем.», 25, 1964, стр. 28.

<sup>84</sup> «Записка...», стр. 538.

<sup>85</sup> АА II: III б 31, л. 53.

<sup>86</sup> Амбургер, ук. соч., стр. 38.

<sup>87</sup> Там же

<sup>88</sup> «Записка...», стр. 536.

<sup>89</sup> АА, там же, л. 51.

<sup>90</sup> Имеется в виду «Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII века до 883 г.» (СПб., 1905, отдельно «Приложения», СПб., 1905).

<sup>91</sup> «Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований», I, СПб., 1906.

<sup>92</sup> «Синагога в 50 титулов и другие юридические сборники Иоанна Схоластика», СПб., 1914 (цит. по СИЭ, 2, стр. 331).



Последняя крупная работа Бенешевича (он умер 19 декабря 1943 г.) тоже связана с немецкой наукой: первый (и единственный) том его издания «*Ioannis Scholastici Synagoga L. titulorum ceteraque eius opera iuridica*» появился в 1937 г. в «Записках Баварской академии наук»; это — научное достижение высшего уровня.

На этом пока заканчивается список русских и советских ученых, исследователей древности, — членов-корреспондентов Берлинской академии. Число упомянутых лиц не слишком велико, но тем не менее значительно, так как оно показывает связь исследователей древности обеих стран (почти все они были связаны с академиями своей страны) от начала XVIII в. до нашей эпохи. Может быть, остается еще нерешенным вопрос, во всех ли случаях Берлинской академии удавалось вводить в свой круг наиболее представительных деятелей русской науки о древности; однако, как видно из наших заметок, Берлинская академия была в курсе характерных областей работы русской науки (история, археология и эпиграфика Причерноморья, отношения между классическим миром и материковой Азией, хозяйственная история античности, социальный строй Византии) и стремилась связать себя с этой работой посредством избрания членов-корреспондентов. Упомянутые и некоторые другие отрасли широко разветвленной науки о древности и ныне образуют, как показывает любой номер «Вестника древней истории», центр тяжести нынешнего советского антиковедения, руководствующегося верным компасом исторического материализма. Однако качественно изменились не только содержание, постановка вопросов и формы работы, но также и международные научные связи. Если в прошлом такие связи основывались на личных дружеских связях ученых и отдельных случаях материальной поддержки (например, когда дело касалось работы для больших корпусов надписей Берлинской академии), то ныне науку о классической древности в Советском Союзе и социалистической Германской Демократической Республике связывает система многообразного обмена и сотрудничества, к которым широко привлечены не только крупнейшие специалисты, но и более молодые и подрастающие кадры. Также и «Вестник древней истории», юбилею которого посвящены эти строки, свидетельствует об этом и, как я уверен, будет еще более красноречиво свидетельствовать об этом и впредь.

#### RUSSIAN STUDENTS OF ANTIQUITY IN THE BERLIN ACADEMY

by Johannes Irmscher

The article acquaints the reader with the Russian scholars who in the course of two and a half centuries were adopted by the Berlin Academy as its corresponding members. An attempt is also made, wherever archival and other evidence permits, to show the causes and occasions for the election of each of these scholars to the Berlin Academy. Beginning with the time of Peter the Great in Russia and ending with the Weimar period in Germany's history, the list of scholars from Russia who became corresponding members of the Berlin Academy contains nine names: G. S. Bayer, G. K. E. Köhler, J. Blaramberg; K. Ikonomos (Οικονόμος); A. Nauck; L. Stefani; V. V. Latyshev, M. I. Rostovtzeff, V. N. Beneshevich.

From the evidence adduced of the contacts between students of antiquity in both countries it may be seen that the Berlin Academy was well informed of the work being done in several characteristic spheres (history, the archaeology and epigraphy of the Black Sea region, relations between the classical world and mainland Asia, the economic history of antiquity, the social structure of Byzantium) and strove to maintain its contact by the election of corresponding members.

If in the past such contacts were based on personal friendships between scholars and, on occasion, on material aid (in connection with work on the great epigraphical corpora), the study of classical antiquity in the USSR and the GDR is connected by a system of multiple exchange and cooperation.